

УДК 82-312.1

DOI 10.5281/zenodo.15689982

Смирнов А.А.

Смирнов Андрей Алексеевич, Национальный исследовательский университет ИТМО, Россия, 197101, Санкт-Петербург, Кронверкский пр., д. 49, лит. А. E-mail: khiceog@gmail.com.

Идейное содержание «Что делать?» в XXIII разделе Пятой главы и в Шестой главе романа

Аннотация. В статье анализируются заключительные XXIII раздел Пятой главы и Шестая глава романа «Что делать?» Н. Г. Чернышевского и осмысливается их идейное значение. Чернышевский-романист, используя разнообразные тропы, изображает для читателей неумолимость законов развития истории и её изменений. Отдельно исследуется предсказание Чернышевского о восстании, которое должно было последовать за крестьянской реформой 1861 года, и той роли, которую «новые люди» должны были в нём сыграть.

Ключевые слова: Н.Г. Чернышевский, «Что делать?», аллегория, Дама в трауре, «новые люди», крестьянская реформа, символизм.

Smirnov A.A.

Smirnov Andrey Alekseevich, National Research University ITMO, Russia, 197101, St. Petersburg, Kronverksky Ave., 49 A. E-mail: khiceog@gmail.com.

The ideological content of "What is to be done?" in Section XXIII of Chapter Five and in Chapter Six of the novel

Abstract. The article analyzes the final XXIII section of the fifth chapter and the sixth chapter of the novel "What is to be done?" by N. G. Chernyshevsky and comprehends their ideological significance. Chernyshevsky the novelist, using various tropes, depicts for readers the inexorability of the laws of development of history and its changes. Separately, Chernyshevsky's prediction about the uprising that was to follow the peasant reform of 1861 and the role that "new people" were to play in it are examined.

Key words: N.G. Chernyshevsky, "What is to be done?", allegory, Lady in mourning, "new people", peasant reform, symbolism.

Заключительные разделы романа «Что делать?» с момента своей публикации в 1863 г. по-прежнему остаются предметом глубокого анализа в филологических и историко-литературных исследованиях: их многочисленные толкования принимают разный идеологический спектр – от революционно-идеологических до психологико-стилистических, что подчёркивает слож-

ность авторской позиции Чернышевского. Уже Б.Я. Бухштаб (1953) и М. Т. Пинаев (1963) указывали, что в романе имеются скрытые аллегории и «шифры», особенно в его заключительной части, а Г. Е. Тмарченко (1976) рассматривал последние главы романа как художественное воплощение революционного процесса, опираясь на многослойность текста и его богатый потенциал для исследо-

вателей. Различная интерпретация романа, проводимая в прошлом, проявляется и в современных исследованиях, что говорит о продолжающемся неоднозначном отношении исследователей к проблематике и идейному содержанию «Что делать?».

Например, исследователь А. И. Шеля в статье 2016 г. подмечает неоднозначность заключительной части романа Чернышевского: «Неоднозначная концовка романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?» многократно обсуждалась в литературе [см., в частности: Бродский, Сидоров 1933: 197–204; Бухштаб 1953; Пинаев 1963: 212–224; Тамарченко 1976: 218–225]»; «Исследователи отмечали «глухие намеки» [см.: Бухштаб 1953: 160] последней части романа, её иносказательность [см.: Тамарченко 1976: 219] и систему шифров [см.: Пинаев 1963: 215]» [7, с. 81].

Действительно, заключительная часть романа Чернышевского выглядит не такой простой, как кажется, и большой вопрос, получилось ли у исследователей разобраться в её идейном содержании. При этом для самого Шеля ответ ясен: «Мир, о котором пела «дама в трауре», – это мир и освобождённого узника, и вернувшегося Рахметова» [7, с. 92] – намекая тем самым, что Чернышевский-романист заложил в заключительную часть роман революционно-идеологическое содержание, призыв к новой реальности в России.

С Шеля не может в полной мере согласиться д. филол. н. Ю.К. Руденко в монографии 2018 г., где он пишет: «Обе версии [освобождённого узника и вернувшегося Рахметова. – А. С.] в равной степени допустимы, но в равной же степени и необязательны... Ибо ни одна из подстановок... ничего не изменяет в содержании... Как раз наоборот. Он оказывается наиболее ясным для понимания и расшифровки тогда, когда сохраняет всю свою "отрывочность" и "загадочность"» [5, с. 108]. Таким образом, Руденко предлагает текстологически определить идей-

ное содержание заключительной части романа, не прибегая к сторонним источникам. Возможно, это во многом верный метод изучения литературного произведения, и мы попробуем проанализировать последние сцены «Что делать?», умозрительно не покидая их самих.

Проведённый нами литературоведческий анализ романа «Что делать?» поможет выявить, каким образом через посредство образа «Дамы в трауре» и зимних сцен с санями Чернышевский-романист формулирует своё видение цикличности истории и роль «новых людей» в революционных процессах, какими художественными приёмами он призывает читателей прислушиваться к каждому сказанному слову в завершающих частях своего романа. Следовательно, цель настоящего исследования – попытаться провести литературоведческий анализ заключительных разделов романа «Что делать?», чтобы на их примере определить, как через художественную аллегорию выражаются идейно-содержательные позиции Чернышевского-романиста. Данное исследование мы начнём с анализа последнего раздела Пятой главы, а закончим – анализом Шестой, заключительной главы романа.

Когда до конца романа остаётся один раздел Пятой главы и краткая заключительная глава «Перемена декораций», Чернышевский-романист заявляет читателю, что если герои устроились в жизни, то это не значит, что о ней больше нечего говорить; напротив, он ручается, что «продолжение моего рассказа о них [о людях новой породы. – А. С.] будет гораздо любопытнее того, что я рассказывал о них до сих пор» [6, с. 415]. Замечание загадочное, но характерное – читатель вновь заинтригован: оказывается, в конце романа романист подготовил для него нечто важное, – настолько важное, что всё описанное ранее можно считать чуть ли не прелюдией к чему-то новому, не менее интересному и увлекательному. Но для этого читатель должен заметить,

какие речевые обороты использует Верочка, когда, по возвращении с зимнего пикника, рассказывает друзьям о своём прошлом: «Я буду рассказывать очень коротко... начинается с меня; когда дойдёт очередь до других, пусть они рассказывают. Но я предупреждаю вас, *в конце моей истории есть секреты* [курсив наш. – А. С.]» [6, с. 417]. Если учесть, что «...вся проблематика романа... проведена романистом сквозь сердце женщины» [4, с. 12], т. е. сквозь любовную историю, замечание Верочки – помня предупреждение Чернышевского, которое приведено выше, – принципиально важное, несмотря на его игривую загадочность. По сути, Верочка предупреждает, что её историю и контекст, который выстраивается романистом в заключительном разделе Пятой главы, надо воспринимать аналитически и восстанавливать по памяти умолчания или расшифровывать недоговорённое.

Известно, что Чернышевский писал «Что делать?», чтобы изобразить тот образ жизни, который представлялся ему *правильным, в отличие* от образа жизни, который вело подавляющее большинство всех современных ему классов и состояний. Поэтому на протяжении всего повествования автор демонстративно «нагло» общался с Проницательным читателем, Читательницей, Читателем-другом: они были созданы автором как утрированные маски, в которых типизируются идеологические и психологические различия, существующие между реальными читателями. Издевательски общаясь с Проницательным читателем, Чернышевский доносит определённые идеи до желанной категории читателей. Например, Читательница – это один тип единомышленников автора, Читатель-друг – другой тип его единомышленников – те немногие, кто придерживался демократических взглядов [5, с. 41].

Когда Лопухов знакомился с Верочкой, она спросила у него, как побороть бедность. Лопухов ответил ей: «Это умеет рассказывать только моя невеста; я

здесь один, без неё, могу сказать только: она заботится об этом, а она очень сильная, она сильнее всех на свете. Но мы говорим не об ней, а о женщинах. Я совершенно согласен с желанием бедных, чтоб их не было на свете, потому что это и сделает моя невеста» [6, с. 85]. Лопухов говорит Верочке, что он желает, чтобы как можно больше женщин познакомилось с его невестой, чтобы не было причин жалеть женщин. Кто такая его невеста? Впечатлительной и разумной Верочке даётся ответ в её первом сне: «У меня много имён. У меня разные имена. Кому как надобно меня звать, такое имя я ему и сказываю. Ты меня зови любовью к людям. Это и есть моё настоящее имя. Меня немногие так зовут. А ты зови так», – говорит Верочке Невеста всех женихов, аллегорический образ, носитель авторских идей [6, с. 115].

Любить людей, на взгляд Чернышевского, значит не позволять бедным и народным заступникам, которые борются с угнетением, оступаться, когда оступиться очень вероятно. Такие люди, как Верочка, Лопухов и Кирсанов, а вслед за ними – Рахметов, когда будет социальный взрыв, а он, по Чернышевскому, неизбежен, должны возглавить его. Иначе он может пагубно закончиться для простых людей: угнетатели вернуться к власти, либо новая власть станет мошеннической [5, с. 30-32].

Рассказ Веры Павловны, с которого начинается действие XXIII раздела Пятой главы и Шестой главы, основополагающий в романе, ибо он не только заключает в себе или предваряет потаённые смыслы, которые выражает Чернышевский, но и возвращает к той идее, о которой романист писал в середине произведения: «...будто это не она, Вера Павловна Кирсанова, лично чувствует недовольство, а будто в ней отражается недовольство тысяч и миллионов; и будто не лично собою она недовольна, а будто недовольны в ней собою эти тысячи и миллионы» [6, с. 321].

Разговор подхватывает Дама в трауре, персонаж новый и, казалось бы, неожиданной в произведении, но тем не менее – кого-то или что-то напоминающий. Есть две версии, кого под этим именем подразумевает Чернышевский: по одной из версий, Дама в трауре – девушка, которую спас Рахметов, остановив её несущийся экипаж, а по другой – жена Чернышевского, Ольга Сократовна. В любом случае прав Ю.К. Руденко, когда говорит, что это неважно, потому что, какое лицо ни подставляй под образ Дамы в трауре, от этого суть эпизода не изменится. Наоборот, образ Дамы в трауре «...оказывается наиболее ясным для понимания и расшифровки тогда, когда сохраняет всю свою «отрывочность» и «загадочность», и напротив, оказывается затруднённым для понимания тогда, когда путём той или иной конкретной расшифровки имён разрушается его «загадочность» и восполняется [его] "отрывочность"» [5, с. 108–109]. В советской историографии считалось, что Чернышевский ввёл в роман образ Дамы в трауре, которая прошла по нему «бестелесной фигурой, надсюжетной фантазией героини», т. е. Невестой всех женихов, чтобы с её помощью «бросить клич к революционному действию» [4, с. 34]. Учитывая, что последние разделы романа должны быть «гораздо интереснее [предыдущих глав]», а «для Чернышевского важно было создать новую мораль, которая сама была бы детерминирующей силой» [3, с. 97], бесспорно, что романист отводит в произведении важную роль Даме в трауре, но какую – вопрос не из лёгких.

Сначала Чернышевский рассказывает, как кружок друзей Кирсановых и Бьюмонтов доезжает до завода, на котором работает Бьюмонт-Лопухов. Этот эпизод описывается подробно, однако, на первый взгляд, неясно, зачем Чернышевский вводит его в текст. Герои ехали с зимнего пикника на двух санях: Чернышевский использует метонимию и называет одни сани – буйными, а другие –

небуйными, сообщая, что в первых санях сидят веселящиеся «четыре человека молодёжи и одна дама [Дама в трауре. – А. С.]», в других – семейные пары Кирсановых и Бьюмонтов. Чернышевский так описывает этот эпизод: «...буйные сани опять несутся... с гвалтом и гиканьем, небуйные сани приготовились дать отличный отпор сюрпризом, но что это? буйные сани берут вправо, через канаву, – им всё нипочём, – проносятся мимо в пяти саженьях: «Да, это она [Дама в трауре. – А. С.] догадалась, схватила вожжи сама, стоит и правит», – говорят небуйные сани, – «нет, нет, догоним! отомстим!» Отчаянная скачка. Догонят или не догонят?» [6, с. 416]. Здесь Чернышевский моделирует закономерность самой истории. В итоговом абзаце VIII раздела Третьей главы он, говоря о новых людях как общественном типе, писал, что история протекает циклично: «...и под шумом шиканья, под громом проклятий они сойдут со сцены гордые и скромные, суровые и добрые, как были. И не останется их на сцене? – Нет. Как же будет без них? – Плохо. Но после них всё-таки будет лучше, чем до них. И пройдут года, и скажут люди: «После них стало лучше; но всё-таки осталось плохо». Когда скажут это, значит, пришло время возродиться этому типу, и он возродится в более многочисленных людях, в лучших формах, потому что тогда всего хорошего будет больше и всё хорошее будет лучше, и опять та же история» [6, с. 195].

Там эта мысль формулировалась как рассуждение о цикличности истории; здесь, в эпизоде с санями, Чернышевский повторяет её в форме аллегории. Под людьми, которые сидят в «небуйных санях», романист подразумевает обычных людей – здесь необходимо вспомнить, что Чернышевский не считал людей новой породы особенными людьми; под пассажирами, сидящими в «буйных санях», автор полагает таких людей, как Рахметов и Дама в трауре (именно они были для него особенными). Боль-

шую часть истории общество развивается медленно, но в некоторые периоды – быстро, благодаря революциям. Под «небуйными санями» автор имеет в виду медленный ход истории, под «буйными» – быстрый. Сцена, в которой Дама в трауре берёт вожжи, символизирует преемственность между санями обоюродного рода. Когда «буйные сани берут вправо, через канаву», они сокращают течение истории и при этом поступают, по мнению Чернышевского, правильно, потому что слово «правый», если обратиться к христианской традиции, означает слово «правильный».

Наконец, сани добираются до места, куда они долго, но весело и с гвалтом, неслись – на завод. Кажется, Чернышевский неспроста сделал Бьюмонта агентом фирмы, владеющей фабрикой, да и экипажи примчались к ней не даром. На наш взгляд, это символизирует то, что исторический процесс, развивая науку и технику, периодически создаёт положение, когда люди могут воспользоваться наукой и техникой так, чтобы организовать собственное общежитие разумнее, чем раньше [т. к. по приезде кружок новых людей начинает распевать песни, веселиться, лакомиться дорогими сладостями].

Дама в трауре решает покинуть праздник под предлогом, что ей надо отдохнуть: «Вы нас покидаете? – сказал один из молодёжи, принимая трагическую позу. – Если бы мы предвидели это, мы взяли бы с собой кинжалы. А теперь нам нечем заколоться. – *Подадут закуску, заколемся вилками!* – с восторгом неожиданного спасения произнёс другой. – О нет, я не хочу, чтобы преждевременно погибала надежда отечества, – с такою же торжественностью произнесла дама в трауре, – утешьтесь, *дети мои* [Весь курсив наш. – А.С.]» [6, с. 418]. Толковать описанную сцену можно по-разному. Нам видится такой смысл: Дама в трауре, под именем которой подразумеваются особенные люди, решила отдохнуть, ибо особенные люди неспособны

быть в обществе всегда, т. к. история призывает их только в нужные моменты. При этом, покинув праздник [жизни], они грустят и размышляют: «Лицо дамы имело неподвижное выражение задумчивости, печальной, но больше суровой. Брови слегка сдвигались и раздвигались, сдвигались и раздвигались» [6, с. 421]. Дама в трауре именуется молодёжь кружка «надеждой отечества» и своими «детьми». Фраза «заколоться кинжалами» означает в сцене «пожертвовать собой [ради «ничего в особенности дела», т. е. ради того, чтобы защищать интересы народа в ситуации назревающей пугачёвщины]».

В следующей сцене Дама в трауре говорит Верочке: «Я вас часто буду просить петь» [6, с. 422]. Распевая романс «Стонет сизый голубочек» на слова 1792 г. И.И. Дмитриева, она уверяет молодёжь, что можно влюбляться, жениться, но «только с разбором и без обмана», т. е. молодёжи ни в коем случае нельзя, раз она намеревается возглавлять бунты, рисковать чужими судьбами, только если эти «судьбы» не осознают, кого любят. Подкрепляя собственные слова, Дама в трауре распевает песню Селима из поэмы М.Ю. Лермонтова «Измаил-Бей» 1823 г., смысл которой перекликается с ситуацией, случившейся с Рахметовым и дамой, которую он спас в середине романа. Кратко смысл поэмы, переложённый на сюжет романа, правомерно пересказать так: Рахметов встретил даму, влюбился в неё, а она в него; Рахметов, понимая, что быть с ним опасно, предупредил даму о своей участи («Опасна будет жизнь моя, Печален мой конец»). Дама, разделяя стремления Рахметова, проникаясь его судьбой, намеревается поддерживать его, что бы с ним ни случилось («Мой милый, смелее вверяйся ты року!»), причём конец, возражает Дама в трауре, не окажется грустным: «...это неправда, дети, не будет печален, но тогда я думала и он думал» [6, с. 424]. Любопытно, что разговор похожего рода и в самом деле произошёл в жизни Чернышевского. Когда он ещё в бытность в Саратове, призна-

вался Ольге Сократовне в чувствах, говорил: «Вот видите – вам скучно уже слушать подобные рассуждения, а они будут продолжаться целые годы, потому что ни о чём, кроме этого, я не могу говорить. Довольно и того... что с моей судьбой связана судьба маменьки, которая не переживёт подобных событий. А [что] может грозить жене подобного человека? [...] нам следовало... бы прекратить» [1, с. 85–86].

Чернышевский считает, что люди новой породы не станут счастливыми по-настоящему, если отрекутся от общего дела, ведь, как подмечает А.А. Лебедев, говоря о взглядах Чернышевского: «Человек не может быть счастлив «сам с собой», так же как только в общении с людьми может он быть действительно свободен... «Счастье двух» всецело зависит от жизни очень многих» [2, с. 119].

Заканчивается роман тем, что Чернышевский снова издевается над Проницательным читателем, который догадался, что Дама в трауре познакомилась с Никитиным «тогда же, как с Кирсановым и Бьюмонтами, на этом пикнике, бывшем в конце нынешней зимы»; т. е. посредством этого факта Проницательный читатель догадался, что Дама в трауре в главе «Перемена декораций» сидела в карете с Рахметовым или человеком, напоминающим его; не следует забывать, что точно неясно, кто она есть и кто её сопровождает.

«За кого вы меня принимаете?» – восклицает Проницательный читатель. – «Если вам теперь не угодно слушать, я, разумеется, должен отложить продолже-

ние моего рассказа до того времени, когда вам угодно будет его слушать. Надеюсь, дожидаться этого довольно скоро» [6, с. 426], – предсказывает народный бунт Чернышевский. Предсказывает он бунт оттого, что события, которые случились на зимнем пикнике, отсылают читателя к февралю 1861 г., когда Александр II подписал Манифест об отмене крепостного права, а глава «Перемена декораций», в которой Чернышевский юмористически обыгрывает диалог с Проницательным читателем, происходит летом через два года после событий, бывших на зимнем пикнике.

Таким образом, Чернышевский заставляет читателя понять, что крестьянская реформа, как осуществляют её власти, чревата новым бунтом, а порядочные люди обязаны готовиться к нему, коль скоро он, во всяком случае, по словам романиста, России угрожает.

Идейное содержание XXIII раздела Пятой главы и всей Шестой главы состоит в том, что романист предупреждает своих единомышленников о грядущей пугачёвщине, показывая им, как объективно развивается история, предостерегая от того, чтобы жить одной любовью, и призывая не торопить события, но готовиться к ним. Хотя любовь, по мнению Чернышевского, может и обязана помогать людям новой породы в деле, от которого они морально не должны – как *порядочные люди*, и нравственно неспособны – как *порядочные люди нового поколения* – отказаться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богданович Т. А. Любовь людей шестидесятых годов. Л.: Academia, 1929. 447 с.
2. Лебедев А. А. Герои Чернышевского. М.: Советский писатель, 1962. 306 с.
3. Луначарский А. В. Этика и эстетика Чернышевского перед судом современности // Статьи о Чернышевском. М.: Госполитиздат, 1958. 120 с.
4. Руденко Ю. К. Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?»: Эстетическое своеобразие и художественный метод. Л.: изд-во ЛГУ, 1979. 88 с.
5. Руденко Ю. К. Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?»: Эстетическое своеобразие и художественный метод / 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во Сергея Ходова, 2018. 287 с.

6. Чернышевский Н. Г. Что делать? М.: Художественная литература, 1969. 445 с. (Библиотека Всемирной литературы: Серия вторая, Т. 122.).
7. Шеля А. И. О чём поёт «дама в трауре»: к проблеме финала «Что делать?» // IV Международная конференция молодых исследователей : сб. статей. М. : Буки Веди, 2016. С. 81–94.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Bogdanovich T. A. Ljubov' ljudej shestidesjatyh godov. L.: Academia, 1929. 447 s.
2. Lebedev A. A. Geroi Chernyshevskogo. M.: Sovetskij pisatel', 1962. 306 s.
3. Lunacharskij A. V. Jetika i jestetika Chernyshevskogo pered sudom sovremennosti // Stat'i o Chernyshevskom. M.: Gospolitizdat, 1958. 120 s.
4. Rudenko Ju. K. Roman N. G. Chernyshevskogo «Chto delat'?»: Jesteticheskoe svoeobrazie i hudozhestvennyj metod. L.: izd-vo LGU, 1979. 88 s.
5. Rudenko Ju. K. Roman N. G. Chernyshevskogo «Chto delat'?»: Jesteticheskoe svoeobrazie i hudozhestvennyj metod / 2-e izd., ispr. i dop. SPb.: Izd-vo Sergeja Hodova, 2018. 287 s.
6. Chernyshevskij N. G. Chto delat'? M.: Hudozhestvennaja literatura, 1969. 445 s. (Bib-lioteka Vsemirnoj literatury: Serija vtoraja, T. 122.).
7. Shelja A. I. O chjom pojot «dama v traure»: k probleme finala «Chto delat'?» // IV Mezh-dunarodnaja konferencija molodyh issledovatelej : sb. statej. M. : Buki Vedi, 2016. S. 81–94.

Поступила в редакцию: 24.04.2025.

Принята в печать: 30.06.2025.